

Я. Немой

ТЮРЬМА и ПРАВДА
МЕМОАРЫ ОЛИГАРХА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Я. Немой
Тюрьма и Правда.
Мемуары Олигарха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56103298

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-05182-9

Аннотация

Воспоминания олигарха Энского, отсидевшего десять лет в колонии строго режима. События происходят в современной России во втором десятилетии 21-го века. Константин Аронович Энский описывает особенно яркие будни в тюрьме и колониях, настроение, взгляды и нравы осужденных, с которыми он контактировал. Он делится своим мнением и опытом в поиске своего «я», подробно описывая устройство уголовно-исполнительной системы России. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. СИЗО	4
Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	17
Часть 2. ИК-3	24
Глава 1	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Я. Немой

Тюрьма и Правда.

Мемуары Олигарха

Часть 1. СИЗО

Глава 1

«Я – олигарх Константин Аронович Энский, мне 35 лет. Не украсть у этой страны – это значит прожить целый день зря. Коррупция – моё второе имя. У меня есть права, а у вас только одни обязанности. У меня есть деньги и власть, а у вас только еда, за которую вы должны быть мне благодарны. Я задумаюсь о вас тогда, когда вы повально начнёте дохнуть и не сможете обеспечить мой непрерывный процесс производства денег. Тут я признаюсь, что демография меня иногда волнует, хотя если вы не имеете отношения к моему бизнесу – дохните хоть миллионами, мне наплевать. Я не могу проявлять к вам милость. Меня не интересует эта страна, меня интересуют ресурсы. Я вижу только работников, остальные люди – это мусор, который не вписался в мой бизнес. И да,

терпеть не могу это слово «народ», чушь какая-то, «рабы» – это вам больше подходит.» – я произношу эти слова каждый день.

Сегодня утром меня арестовали и отправили в СИЗО. Эти уроды хотят меня посадить, но они недооценивают мои деньги, связи и огромную свиту адвокатов. Но это отдельная тема для разговора.

Я первый раз в жизни зашёл в тюремную камеру. Какое убожество. Она не больше двадцати квадратных метров, мой галюн на яхте больше в несколько раз. Как вообще это всё здесь умещается? Четыре железные кровати в два яруса, длинный стол, санузел за шторкой и кафельной перегородкой, кстати высотой не больше метра. Раковина с двумя кранами, а как? Без смесителя что ли? Окно с двумя металлическими решётками, заклеенное серой плёнкой и вроде с форточкой. Здесь всё, как в купе поезда, только все о тебе и думают, когда ты в туалете сидишь.

В камере сидят два арестанта и смотрят на меня так, как будто не узнают или я чего-то не понимаю. Я им улыбнулся.

– Здравствуйте, я олигарх Энский.

– Да хоть чёрт с рогами, по жизни кто? – спросил один из сидельцев, заточивая алюминиевую ложку о стену.

– Я же говорю, олигарх.

– Олигарх ты на воле, в тюрьме такой масти нет. Сообрази быстрее или у параша спать ложись.

– А-а, мужик, точно, мужик. – кое как вспомнил я это сло-

во и был рад тому, что у меня есть образование и память.

– Ну тогда располагайся, внизу занято, а на пальме свободно, вы же, олигархи, любите пальмы?

– Да, а это где? – удивился я, не обнаружив в камере вообще ни одного растения.

– Вот здесь. – сказал второй арестант. – Захар, хорош над ним орать, ты же видишь, что он с неба на землю сошёл только что. Я Сёма, это Захар. У тебя погоняло есть?

– Не понял? – удивился я и подумал почему-то про кнут.

– Кликуха у тебя есть, прозвище, как тебя близкие зовут?

– Константин Аронович Энский.

– Х-м, короче, будешь Левак, понял?

– Понял, можно вещи на кровать положить?

– Можно, только это не кровать, а шконка.

– Понял, можно вещи на шконку положить?

– Да.

Я закинул свои сумки на шконку и случайно зацепил кружку с чаем на столе, которая упала на пол, образовав чёрно-коричневую лужу. Потом залез сам и лёг, обдумывая, кто мог меня сдать, чтобы были основания для моего ареста. Как ни странно, но эти двое даже не сдвинулись с места, чтобы помыть пол и убрать кружку. Точно быдло, привыкли жить как свиньи в грязи. Ну вот зачем их жалеть если они животные? Я посмотрел на них с пренебрежением, отвернулся и начал изучать обшарпанную стену камеры, перебирая в уме, а всех ли мы «убрали».

– Левак, вообще-то за собой убирать надо. – сказал Сёма.

– И извиниться бы не мешало так-то. – добавил Захар.

– В смысле? – удивился я. – Ваш же чай, вы и убирайте.

Захар и Сёма выпучили на меня глаза и Захар достал ложку, которую он точил, но уже с перемотанной синей изолен-той ручкой.

– Может уборщицу позовём? – сообразил я.

Как же на самом деле мне было больно, когда Сёма уда-рил меня кулаком в переносицу. Чему меня только учили все эти годы пресловутые тренеры и мастера разнообразных единоборств? Один удар и я сообразил, что нужно делать. Я быстро схватил тряпку, кинул её на лужу чая и вытер пол но-гой. Вот теперь нормально, сделал вывод я и полез на шкон-ку. Как оказалось нет. По взгляду своих коллег я понял, что это ещё не всё. Я сообразил и убрал тряпку на место, вымыл кружку и поставил её на стол. Да почему они так на меня смотрят, как будто я им ещё что-то должен?

– Я же всё убрал? Почему вы так смотрите на меня?

– Слышь, олигарх, ты нам ущерб нанёс, возместить не хо-чешь?

Вот это новости, подумал я, чтобы я возместил ущерб этим свиньям? Да никогда в жизни. Если каждому возме-щать ущерб, то на что мы будем жить? Эти свиньи вообще обнаглели, мы им работу даём, еду, а тут ещё и ущерб воз-местить, да я...

– Завтра в магазине тюремном куплю, у меня нет с собой

чая, клянусь, завтра отдам. – сказал я этим уродам, чтобы пережить ночь.

– Базара нет и...

– И извините меня. – я быстро перебил слова Захара, так как после удара мой мозг заработал почти на сто процентов.

Так начался мой первый день в СИЗО без личной охраны, к которой я так сильно привык. Я знаю, я уверен, что завтра меня выпустят и поэтому решил не накалять обстановку в камере. Может быть действительно есть люди, которые меня не знают в лицо. Да и тем более, этот ещё ложку точит. Нет, мне не резон с ними отношения портить. Я решил, что буду спокойным, уживчивым, выдержанным, буду иногда хототать. Так, что ещё? Как с этим быдлом надо общаться, а-а, вспомнил. Буду много разговаривать о жизни, стране и этих, как их, людях. Буду философствовать. Самое главное голос не повышать, а то не дай Бог зарежут ложкой.

Я разложил свои вещи и решил принять душ. Так, а как его принять? О, оказывается душ, как и замена постельного белья, раз в неделю, как так? Как тут можно находиться? Позже, как читатель уже понял одним днём в СИЗО не обошлось, я посмотрел душ. Да у моих лошадей лучше душ, про постельное бельё и говорить нечего, в лучшем случае протереть копыта лошадей после прогулки. Да-а, знал бы я, что меня арестуют, хоть бы в камере заранее евроремонт сделал.

Процесс судопроизводства идёт медленно, а я всё сижу и сижу. Но я держусь, я знаю, что они ничего не докажут – все

свидетели отдали Богу душу. Больше у них на меня ничего нет. Боже, как же хочется кошерной еды. Магазин раз в месяц, но там только одно дерьмо, хотя есть фрукты, овощи, молочка, сладости, мясное и хлеб. Одно удовольствие это передачи от родных, что очень важно. Правда передачу порежут и порубят, чтобы не было запретов. Хотя, как говорят мои коллеги Сёма и Захар, в СИЗО кормят гораздо лучше, чем в колонии. Спецконтингент здесь сидит другой, в нём больше заинтересованных людей на воле.

На следующий день Захару и Сёме привезли старые холодильник, телевизор и вентилятор, на которые я смотрел с удивлением, так как сомневался в их работоспособности. Но с их присутствием, на сленге Сёмы и Захара, тюремный быт улучшился. Какая же это помойка. Когда меня уже отпустят? Первые дни мне действительно было не по себе, но мне привезли еду, книги, журналы и я приобрёл некоторые продукты в тюремном магазине. Кстати, вернул чай моим коллегам. Я задаюсь вопросом – почему мне не разрешают привезти плазму, ноутбук и кондиционер? Мои коллеги говорят, что мне надо быть проще и люди ко мне потянутся. Я не понимаю, что это значит.

Первые пару дней я постоянно лежал на шконке и много думал об этом беспределе государственной власти. Я мало ел и даже закурил. Иногда мне хотелось материться, но я побаивался Сёму и Захара, которых я никак не мог пока понять. Честно говоря, я и не хотел их понимать, зачем мне, олигар-

ху Энскому, понимать этих тараканов.

Я стараюсь читать книги и журналы, с удовольствием бегу на прогулку, много мечтаю. Мне нужно чем-то заменить интернет, а телефона у меня нет. Я готов много заплатить за телефон, но мусора не хотят мне помогать. Я их не понимаю, так как даю за телефон в десять раз больше его реальной стоимости, а они мне говорят, что всё дело не в деньгах. Да что ещё может быть важнее денег в этом мире? Я их не понимаю. Мне показалось, что мы говорим на разных языках.

Суд идёт, а я опять сижу. Я не понимаю, что происходит, почему меня не выпускают? В чём проблема выпустить честного человека из этого ада. Я готов даже заплатить за это, но никто денег не берёт, мои адвокаты никому не могут дать взятку. Вернее, они пытаются купить государственников, но безрезультатно. За что я плачу этим чёртовым юристам, за что? После судебных процессов я стараюсь держаться и в камеру возвращаюсь весёлым, чтобы мои коллеги не думали, что я расстроен до слёз этой тягомотиной.

Больше всего меня угнетает местный распорядок. Из-за этих судов я гуляю по одному часу три раза в неделю, но под их тюремным навесом нет солнца. Меня бесит их радио и эта тупая музыка с поздравлениями в эфире. Тупые и безмозглые животные. Я стараюсь есть только вечером, так как если поем днём, то засыпаю на суде. Тюремная еда – это полное дерьмо для свиней. Может она и сбалансирована как рациональное питание, но лично я стараюсь это говно не есть.

Каждый день проводят обыски, включая меня самого, моих коллег и камеру. Сотрудники общаются с Сёмой и Захаром вежливо, как мне показалось, а вот со мной грубят, по крайней мере я так думаю. Но меня не прессуют, не имеют на это права. Наверно это прерогатива Сёмы и Захара, так как я чувствую угрозу только от них, но после нашего знакомства пока было всё нормально. В камере всегда горит свет, даже ночью. В общем образцово-показательное СИЗО.

Я закурил второй раз, когда пришла моя очередь мыть пол. Это было как с переносицей. До чего же мне было противно это делать, но здоровье и переносица были дороже. Я всё взвесил и решил переехать в другую камеру, но оказывается этого нельзя сделать, я не решаю эти вопросы. Я поймал себя на мысли, что моя власть и деньги имеют много ограничений.

Я не могу привыкнуть к распорядку дня, меня удивляют многие вещи. Как можно в одной одежде ходить больше половины дня, не переодеваясь? Нет биде, душ раз в неделю, нет бассейна и фитнес-зала. Вещи стирают раз в неделю, а новые как привезли в первый день, так в них и хожу. Следующий раз можно будет вроде бы через полгода. В камере мне жарко, и я хожу в одних плавках, а мои коллеги смеются надо мной и говорят про какое-то семейное бельё. У меня складывается ощущение, что они пришельцы с другой планеты. Я заметил, что просыпаюсь, услышав шаги конвойного в коридоре. Наверно у меня начал появляться особый слух.

А может это страх? Я пока не понимаю этого.

Я постоянно хочу есть. От местной баланды мне становится противно. Почему каждый день нет йогуртов, крабов и куриных медальонов? Я уже молчу про испанские вина и шотландский виски. По местным меркам, как говорят мои коллеги, я не бедствую, а довольно шикарно живу. Для этих свиней это может и жизнь, но для меня это сущий ад. Мне иногда намекают, что Бог велел делиться, но я их не понимаю и отвечаю им, чтобы они и делились, хотя от них мне ничего не нужно, у них нет того, что меня интересует. Они неправильно трактуют Бога. Господи, как мне здесь плохо, как я хочу на Мальдивы или в Австралию.

Глава 2

В моей жизни появился ещё один человек, от которого, как я понял, тоже зависела моя дальнейшая жизнь. Оказывается, в судьбе каждого заключённого он играет немаловажную роль, и все относятся к нему по-разному. Этот человек – следователь. Лично я к нему отношусь плохо, так как он не захотел оставить меня под подпиской о невыезде и арестовал.

Оказывается, в его руках есть много законных возможностей. Он может усмотреть признаки состава преступления, назначать свидетелей, а в моём случае назначить меня обвиняемым. Он даже решает вопросы моих встреч с родственниками и ещё многое другое, что помнят мои адвокаты. Я не силен в юридических вопросах, да оно мне и не надо. В общем вот этот тридцатилетний молодой человек, с каким-то там образованием и с мизерной зарплатой решает, как мне жить в СИЗО. Странное у нас государство, когда бедные следователи решают, как жить богатым заключённым.

Раньше я думал, что следователи, судьи и эти прочие правоохранители являются маленькими винтиками в бюрократической системе государства. Я думал, что они даже не имеют права голоса и своего «я», но оказывается они имеют независимость, которая, к моему сожалению, продлевает

моё нахождение в СИЗО. Оказывается, это не какие-то мелкие бюрократы, как я думал раньше, это самые натуральные воины государства.

Как бы я не старался, но мне приходилось каждый день общаться со следователем. Как сказали мои адвокаты, такая процедура судопроизводства. Именно эта процедура обязывает часами пребывать в одном кабинете и отвечать на каверзные вопросы представителей власти. Как бы я не старался, но избежать общения со следователем я не мог.

Со временем появилось ещё несколько следователей, которые хладнокровно, шаг за шагом, продлевали мой арест, и я начал понимать, что им безразлично, что я олигарх. Признаюсь честно, что я желаю им зла, но пока сделать ничего не могу. Они не берут взятки моих адвокатов, а одного из них, самого настойчивого, арестовали и тоже посадили в СИЗО. Да так ему и надо, привыкли, видите ли, к деньгам, а меня вытащить не могут.

К чему я всё это. Как рассказал мне мой адвокат, один из моих следователей оказался родственником людей, погибших от лесных пожаров. Мы сжигали леса, чтобы скрыть фактические хищения природных ресурсов во время браконьерской вырубki. С этим следователем у нас особенно возникли проблемы. Мой адвокат говорит, что надо отдать должное этому профессионалу своего дела, его достоинству и независимости от его же начальства. В общем мне пытаются, на сленге Захара и Сёмы, «пришить моё дело». Ну ведь

это ещё надо доказать, я же не виноват, что его родственники рядом с моими лесами жили. Да и вообще, я один такой что ли? Нас олигархов много в этой стране. А это, это естественная убыль населения, следов насилия нет, сами умерли. Вот если честно, клянусь, лично я этих людей убивать не заказывал.

Да и вообще, лес – это не основное моё направление. Лично я не вижу проблем в том, чем мы занимаемся. Так живёт вся элита. Мы рубим лес, для экономии стараемся это делать ближе к городам и дорогам. Подрастающую мелочь мы не трогаем, пилим только самые большие и хорошие деревья, а потом всё вывозим контрабандой за границу. По вопросам разрешительных документов и налогов это не ко мне, я же говорю, что это не основной мой бизнес. Вопросы про лицензирование пусть задают губернатору.

Мой адвокат говорит, что следователи приехали в наш кедрач, который мы пилим, а у нас лицензий нет, проблемы с документами на технику и толпа браконьеров. В общем всех задержали, технику опечатали, бригадира и рабочих арестовали. Я лично думаю, что пусть этот весь коррупционный беспредел предъявляют губернатору, у которого там тоже есть свой надел кедрача. Пусть он сам решает эти проблемы природы своего края, как местный житель, не я же его избирал губернатором.

Лично я этим обвинением возмущён и мне даже немного обидно. Я не собираюсь с этим мириться и ощущать себя

дерьмом. Этими благами пользовались все, включая губернатора. Я не согласен с такой системой, когда дерьмом обливают того, кто находится в СИЗО. Следствию надо разбираться с причинами происходящего.

В глубине души я уже подумываю выплеснуть всё наружу, так как не нахожу больше вариантов, как уйти в сторону от этого обвинения. У меня своих статей хватает, а тут ещё этот чёртов кедрач и губернатор. Через несколько дней я распорядился, и мой адвокат приехал к следователю. Он отдал ему карту, на которой распределены все «зоны ответственности» элиты и участки местных начальников и руководителей. Если кому-то не хватает ума делать всё красиво, то я не намерен быть соучастником такого дурака и подлеца. Губернатор государственный, вот пусть им государственные органы и занимаются. Я думаю, что это мне на следствии зачтётся, по крайней мере так сказал мой адвокат. Многие сейчас подумают, что я сдал губернатора, но нет, он просто стал лишним в моём бизнесе. Мне экономически не выгодно теперь вести с ним дела. Ничего личного.

Если честно, мне даже стало интересно, какой отбор проводит государство, что набирает таких принципиальных следователей и таких тупых губернаторов.

Глава 3

Среди олигархов совестливые не выживают. Проявил жалость – упал с Олимпа. Красивая ложь для граждан и правоохранителей – залог нашей богатой жизни. Мы и есть закон! Я, Энский Константин Аронович – ваш закон. Меня искренне удивляет слепая уверенность людей в нашей добропорядочности. То, что мы олигархи, сообщаем вам в средствах массовой информации, вы воспринимаете как истину и правду. Это равносильно тому, что свинья искренне верит, что её не зарежут.

Признаюсь честно, что в быту, в кругу своих родных, я вполне приличный человек, я изредка вру детям, и при этом я чувствую некоторое неудобство. Но в бизнесе я вру всегда и правду говорю тогда, когда надо вызвать доверие, чтобы потом красиво обмануть. К деньгам я по костям пойду и ничего зазорного в этом нет. Это образ моей жизни, сильный пожирает слабого. Таковы правила бизнеса, который нынешней власти не сломать.

Я опять проснулся в камере СИЗО. Как я и предполагал, губернатор оказался дерьмом, которое растаяло перед следствием и мне опять задают вопросы, к которым даже не готов мой адвокат. Этот идиот приплёл меня в свои преступные дела, в которых я был лишь последним звеном. Меня,

как бизнесмена, вообще не волнует откуда товар. Мне интересно дёшево купить и дорого продать. И замечу, что это не основной мой бизнес, я просто вложил в это деньги, так как видел крупную прибыль после реализации товара.

Губернатор сколотил преступное сообщество из своих людей в прокуратуре, таможне и милиции. У многих коммерсантов не хватает денег на надёжную крышу, но на товар есть. Так вот, таможня доводила информацию, что на склады прибыл интересный и ликвидный товар, оргтехника, одежда, продукты, строительные материалы, разнообразное оборудование и прочее, что сути дела не меняет. Прокуратура и милиция арестовывала коммерсантов и заключала под стражу.

Пока они сидят в СИЗО и пытаются доказать свою невиновность, я, как честный бизнесмен, реализовываю то, что мне дают. Я же не знаю откуда это имущество, документы в порядке, моя совесть чиста, я только спекулирую, а за это статьи в Уголовном Кодексе нет. Этот бизнес и сейчас бы давал прибыль, но у какого-то губернатора оказался слишком длинный язык.

Несмотря на моё негативное отношение к следствию, я надеюсь и искренне верю, что оно разберётся в этом. Это вопиющая в отношении меня клевета, я в данном случае являюсь обычным продавцом, не более того. Мне жаль тех коммерсантов, которые оказались в СИЗО и в дальнейшем в колонии, но я к этому не имею никакого отношения. Я сам ком-

мерсанта, а ворон ворону глаз не выклюет. Я уверен, что следствие разберётся.

Вечером в камере я, Сёма и Захар смотрели криминальные новости. Там показывали моих, теперь уже бывших, коллег. Особняки, лимузины, дачи, яхты, золотые унитазаы и куча изъятых денег и драгоценностей.

– Левак, а ты знаешь этих людей? – спросил Захар.

– Да. – ответил я, так как врать было не уместно в связи с неизвестностью даты моего выхода из СИЗО.

– И что, типа раньше про эти богатства никто не знал? – спросил Сёма.

– Их подставляют. Наверно заказали сверху. Вот у этого полковника это всё дети заработали, они получают честный доход, работая в государственных организациях. Про губернатора не знаю, я с ним не знаком. Этого таможенника я вообще не знаю, но у них наверно зарплаты огромные. – я решил уйти от разговора, так как неизвестно чем всё это ещё закончится.

– Слышь, Сёма. – сказал Захар. – Там наверно нехилый крот у них поработал, раз такую банду разом хлопнули.

– По любому. – ответил Сёма. – Левак, а ты что думаешь по этой теме, ты же в тех кругах общался, крот или они сами лоханулись?

– Я думаю, что это политический след, видишь же, что пресс-секретарь следствия намекает на хорошую работу государственныхников, а это значит только одно – политика.

– Ты нам в уши только не вкручивай, олигарх херов, а то мы тебе сейчас свою политику покажем, понял?

– Понял. – сказал я и быстро пошёл спать от греха подальше.

Конечно, тюрьма способствует длинным разговорам на разные темы, но лично мне важен уровень образования сокамерников. Захар и Сёма таковыми не являлись. Эх, когда же меня выпустят? К этому времени я ещё не знаю, что моих бывших коллег по бизнесу, включая губернатора, осудят. Мне плевать на них, мне бы самому вылезти из этого дерьма, в котором я нахожусь уже целый месяц.

Наступил новый день. Открылась камера и охранник сказал мне собираться с вещами на выход. Ура, ура, наконец-то я покидаю этот гадюшник, наконец-то я больше не увижу этих двух свиней, с которыми я просидел целый месяц. Слава Богу!

Со слезами на глазах я шёл в другую камеру. Мне неизвестны причины перевода, но для меня это был удар. Для меня вообще загадка для чего и по какому принципу перемещают заключённых между камерами. В чём логика вот этих переселений? Зачем меня из одной камеры выселили и теперь водворяют в другую? Я вытер слёзы и вошёл в новую камеру. Там я увидел трёх арестантов и вздрогнул от удара закрывающейся сзади меня двери. У меня уже есть опыт общения с арестантами, и я сразу взял инициативу на себя.

– Давайте сразу определимся, я Константин Аронович

Энский, мы будем общаться только на «вы», у меня на свободе всего несколько человек с кем я общаюсь на «ты». Ко мне можно обращаться по имени, но только на «вы». Понятно?

– Понятно. – сказали они хором и подошли ко мне.

Да будь прокляты эти мои тренеры всех подряд единоборств, за что я им платил такие деньги? Как же больно опять получать по переносице и вдобавок ко всему по печени. Господи, да почему же меня при входе в камеру постоянно бьют? Да что же я делаю не так? Это наверно из-за отсутствия моей личной охраны. Я даже сумку не успел поставить на пол, как вперёд неё оказался на полу. Как мне больно и обидно, ведь на ринге я всегда был победителем, ни один мой тренер не мог меня уложить в нокаут. Нет, надо быть уживчивым или они меня будут бить каждый день. Как же хочу обратно к Сёме и Захару.

– У нас «выкаты» не принято. Я Пучок, это Клим, а это Егор Яковлевич, понятно?

– Понятно, а почему его по имени и отчеству, а мне по переносице сразу?

– Потому что ты Левак, понятно?

– Понятно.

Так я познакомился со своими новыми коллегами по камере. Я сначала пытался им объяснить своё видение по поводу «вы», что это ещё идёт с советских времён, но по их взгляду понял, что лучше мне прикусить язык. Что я и сде-

лал, когда полез на свою кровать-пальму и наступил ногой на стол. Мне объяснили, что этого делать нельзя примерно так же, как и во время нашего знакомства.

Мои новые коллеги оказались интересными людьми, несмотря на глубокое расхождение взглядов в политике. Отношения у нас сложились хорошие. Я смотрел на них, как насекомых и вежливо улыбался. Нужно было показать мою душевность и теплоту, я старался держаться и делал вид, что их мнение для меня очень важно. В этом, конечно, есть свой минус, но так как здоровье дороже, то мне пришлось научиться стирать. Да, да, мой читатель, ты не ошибся, именно стирать. Я научился стирать спортивные костюмы и постельное бельё. Но это временно, когда я выйду отсюда, то эти животные сами будут меня обстирывать. Я всё помню, у олигархов отличная память, наш генофонд передаётся из поколения в поколение.

Сегодня ночью мне приснилась свобода – хороший знак! Я пошёл на суд. Судья зачитала приговор. На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 307, 308, 309 суд ПРИГОВОРИЛ:

Признать Энского Константина Ароновича виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, п. п. «а, б» ч. 3 ст. 160 УК РФ, ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, и назначить ему наказание:

– ч. 3 ст. 159 (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в круп-

ном размере) УК РФ в виде лишения свободы сроком на 5 (пять) лет,

– «а, б» ч. 3 ст. 160 (присвоение или растрата совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере) УК РФ в виде лишения свободы сроком на 5 (пять) лет,

– ч. 3 ст. 174.1 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления) УК РФ в виде лишения свободы сроком на 5 (пять) лет.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний назначить наказание в виде лишения свободы сроком на 10 (десять) лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Я упал в обморок. В бессознательном состоянии или во сне я видел, как еду на поезде из СИЗО в исправительную колонию. Куда я еду не знаю, сколько мне ехать не знаю – для меня это секрет. Я один на целый вагон, какая свобода по сравнению с маленькими камерами СИЗО. Меня охраняет куча конвоиров с автоматами, которые смотрят на меня очень внимательно и не отводят глаз. Я им известен и наверно знаменит. И тут репродуктор на железнодорожной станции открывает мне секрет и говорит: «Привет Сибирь!».

Часть 2. ИК-3

Глава 1

ИК-3 находится в небольшом посёлке и в ста километрах от ближайшего сибирского города. Я не знаю почему эту деревню вообще называют городом, но для местных это город. В этом городе говорят проживает много молодых семей, со слов местных, молодые мамы с колясками ходят толпами. Колония, куда меня привезли, была построена ещё в 1963 году. Четырёхметровый кирпичный белый забор с егозой, железные охранные вышки цвета хаки, везде колючая проволока, кирпичные бараки, локальные сектора, огороженные железными заборами. Вертухаи с автоматами и огромные кавказские овчарки.

Территория колонии поражает воображение, периметр наверно около пяти километров. В колонии содержится две тысячи осужденных. К моему удивлению я увидел много чачек, кружащих над колонией. Они залетают в колонию, гуляют по запретной зоне и сидят на колючей проволоке. Я вспомнил море, свою яхту и чуть не заплакал. Из этой колонии ещё никто не убежал, говорят было три попытки, но беглецов поймали овчарки и сильно их покусали.

Жилая зона гораздо меньше производственной. Промзона занимает две трети всей колонии. В промзоне есть швейное производство, столярное производство, кузница и подсобное хозяйство, где разводят кроликов, свиней и гусей. За всем ухаживают сами осужденные, высокооплачиваемых специалистов в области ветеринарии и технологии здесь не привлекают.

Как ни странно, но к моему приезду колонию не отремонтировали. Зона эта красная и образцовая. Здесь идеальный порядок, по меркам местной администрации и осужденных, но тротуарной плитки я не видел, стриженных газонов нет, фасады зданий старые, крыши покрыты шифером. Может для них это и идеальный порядок, но до Европы им ещё далеко.

Время, от выхода из автомобиля для перевозки осужденных до карантина, я помню плохо. Эти часы для меня прошли как в тумане. Бегу с сумками вдоль строя, справа и слева охрана с огромными собаками, которых еле удерживают. Я думаю только о том, лишь бы крепко держали этих волкодавов, а то я наделаю в штаны. Это не собаки, это лающие и рычащие медведи. У меня от этого страха невольно начался истерический смех, который остановил здоровый сотрудник режима, схватив меня за шкуру, так как я побежал дальше строя.

Всё, стою, снимаю шапку и делаю громко доклад. Знаю, что половина их действий незаконна, так как я являюсь

неприкосновенной личностью и законы бизнеса знаю наизусть, но не хочу по мелочам им противостоять. Бегу в ШИЗО, перед глазами всё мелькает, разделся, помылся, оделся, половину вещей у меня отобрали, да чёрт с ними. Фу, наконец-то я убежал от собак и оказался в карантине.

Карантин представляет из себя отдельный барак. Сюда помещают всех вновь прибывших осужденных на две недели. За это время у меня выявляли возможные инфекционные заболевания и вникали в мою олигархическую сущность. В зависимости от того, как я буду себя вести в карантине, администрации будет понятно в какой отряд меня распределить. Как тут говорят, от этого зависит и дальнейшая жизнь в отряде. Что бы не привлекать к себе много внимания, я выполняю все требования администрации и завхоза карантина.

Мне сказали, что этот карантин красный и завхоз тоже красный. В случае неповиновения у меня могут возникнуть проблемы. Я решил прикусить язык, когда подумал о том, что могу вызвать следственную бригаду и всех тут наказать. Я вовремя вспомнил своих коллег в СИЗО, которые били меня в воспитательных целях. Я сейчас сделал правильно, что временно повиновался, ведь у меня даже нет телефона, чтобы позвонить моим адвокатам. Я буду ждать удобного случая, мне не выгодно сейчас вступать в прения с местными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.